

Петр Немировский

НОВЫЙ ДЖОН ЛЕННОН

Рассказ

1

Домик на берегу Десны. Гладкие листы фанеры, которыми обшиты стены. Листы приколочены мелкими гвоздиками. Мой палец медленно водит по ним, порою накалываясь на заостренные зубчики. Поскрипывают металлические сетки кроватей, изредка у самого окна вдруг вскрикнет ночная птица.

Еще пахнет дымом: полчаса назад, выкуривая комаров, мы жгли здесь газеты и едва не устроили пожар. Горящий обрывок, словно огненный лепесток, упал на пол, обдав жаром лицо Алины. Она отскочила, выронив пылающую газету. И если бы не я, отважно ринувшийся...

Не спится. Вероятно, всему виной луна. Ее светом охвачены все предметы: графин и стаканы на столе, стулья, кровати. Душа тоже погружена в глубокий дымчато-лиловый свет. Быть может, в такие ночи Селена скорбит у изголовья навеки уснувшего Эндимиона, а сердца людей наполняются печалью об ушедшей любви. Но когда тебе пятнадцать, грустить и вздыхать о прошлом, пожалуй, рановато. Смутные желания волнуют грудь, да еще когда совсем близко тоже почему-то не может заснуть и вертится на кровати твоя сверстница, а в домике кроме вас – никого.

xxx

Долгое время я рос хилым, субтильным ребенком, что подтверждают фотографии той поры. Родители надеялись, что за летние месяцы на Десне я наберу пару желаемых килограммов. Но к

пятнадцати годам я уже окреп и был строен, как Аполлон. Бронзовый загар, волосы, как у «битла», закрывающие уши, и тонкие мягкие усики заставляли меня все чаще задерживаться у зеркала.

Алина тоже перешла отроческий рубеж. Ее черный в голубую полоску купальник довольно плотно облегал округлившиеся бедра и два холмика груди. Она стягивала резинкой сзади темно-русые волосы, но парочка непослушных завитков вилась змейками, словно желая укусить мочки ее маленьких ушей.

XXX

Эта база отдыха на Десне принадлежала швейной фабрике, где работали наши родители: мой отец – наладчиком швейных машин, мать Алины – бухгалтером.

Зинаида Никитична, мама Алины, очень любила куховарить. Наверное, была единственной из отдыхающих, кто умудрялась израсходовать весь запас газа в баллоне за две недели вместо полагавшихся четырех. Комендант базы (в старом моряцком кителе и кедах на босу ногу), когда привозил на тачке новый баллон и подключал его к плите, недовольно ворчал, дескать, это безобразие, лишних баллонов у него нет.

Наши матери относились друг к другу с взаимной симпатией.

В тот год, недели через две после заезда, Зинаида Никитична заболела. Поначалу сильно кашляла, приходила к нам за малиновым вареньем, а спустя несколько дней слегла. Мама, выслушав ее жалобы, вздохнула: «Зиночка, похоже на воспаление легких. Думаю, одной

малиной не обойдетесь». Посоветовала ехать в город лечиться: «Алину можете оставить с нами. Она нас не стеснит».

Так в нашем домике под кроватью появился еще один чемодан, на гвоздике – розовое полотенце, а в стакане возле умывальника – на одну зубную щетку больше.

2

На выходные приезжал отец.

– Сашка, погнали купаться! – звал он меня, перебрасывая через плечо полотенце.

Но в ту субботу купаться мы не пошли. Войдя в домик, отец с поникшей головой тяжело опустился на кровать.

– Что случилось? – спросила мама.

Отец тоскливо взглянул на меня, кисло улыбнулся Алине.

– Идите-ка, погуляйте, – сказал он нам, и мы вышли.

– Так получилось... Приволок тот проклятый рулон к забору. Жду, а Вовки все нет. Решил вернуться в цех, а тут – они, из отдела охраны, – тихо говорил отец.

– Чуюло мое сердце, это добром не кончится. Что же теперь будет? – причитала мама.

– Составили протокол. Могут передать дело в прокуратуру. До двух лет тюрьмы.

Я стоял у окна, над головой шелестели ветви березы. Представил отца в телогрейке. Его заводят в камеру. Он сидит на железном стуле у зарешеченного окошка, пишет нам с мамой письмо...

Я бродил по территории базы. Возле домиков за столами шумно ели, выпивали, играли в карты. Неужели все вокруг скоро узнают, что мой отец – вор?! Неужели его посадят в тюрьму? Не за политику и даже не за драку. А за украденный рулон кожи!

На берегу приятели жгли костер.

– Джон, что там случилось у твоих? – спросила Алина.

– Не знаю, – ответил я. Уши мои пылали.

– Садись, скоро испечется картошка.

Дымок вился над костром. Алина сидела, обхватив руками колени. Смотрела то на огонь, то украдкой на Вадика Гольдштейна, тренькающего на гитаре.

xxx

Выходные тянулись мучительно долго. Отец на пляж не ходил. В бильярд тоже не играл, а бильярдистом был классным. Из разговоров родителей я знал, что когда-то отец был одержим бильярдом, играл на деньги, и только семейные скандалы излечили его от этой страсти.

В воскресенье вечером мы проводили его к причалу. По деревянному трапу на катер поднимались отъезжающие. Отец прошел на корму и оттуда помахал нам рукой. Мама постаралась улыбнуться, помахала ему в ответ и быстро ушла. Кажется, она плакала.

Катер отчалил. Я смотрел вслед удалявшейся белой щепке. Жалость к отцу, стыд за него, надежда, что все обойдется и его не посадят, сменяли друг друга. Вдоль берега носилась черная овчарка Тайга и яростно лаяла на волны: недавно комендант утопил ее щенков.

На следующее утро мама, наготовив нам с Алиной еды, навела тонкие стрелки у беспокойных глаз и, пообещав вернуться через пару дней, тоже уехала.

3

– Выкуривали мы этих комаров, а все без толку, – говорит Алина, пришлепнув у себя на руке очередного кровопийцу. Она лежит в кровати напротив меня.

– Да, кусаются, – прислушиваюсь к тонкому писку над головой. Писк перемещается влево, к самому уху.

– Джон, что же все-таки стряслось у твоих родителей?

– У отца какие-то неприятности на фабрике.

– На этой фабрике не ворует только ленивый. Полгода назад там задержали одну бабу – она обмоталась дорогой кожей под пальто. На проходной, когда ее остановили, сказала, что беременна. Ее завели в отдельную комнату и попросили снять пальто. А под ним – почти рулон кожи! Ее могли посадить в тюрьму, так она и вправду забеременела и отделалась лишь годом условно.

– Да, история... – отвечаю. Я не могу ей признаться в воровстве отца. Или, может, Алина уже знает о нашем семейном позоре?

– Джон, ты кого-нибудь любишь? – вдруг тихо спрашивает она.

– Была одна девочка. Но счастье длилось недолго: вмешались ее предки и все испортили.

– Чем же ты им не понравился?

– Она – дочь профессора, должна окончить школу с золотой медалью и поступить в институт. А я – хулиган.

– А почему тебя называют Джоном?

– Я знаю наизусть много песен «Битлов» и «Роллингов». И вообще, я человек крайне западных взглядов.

– Вы с Вадиком учитесь в одном классе?

– Нет, в параллельных. А что?

– Да так, ничего. Давай спать.

...Еще вчера Алина была для меня просто подругой детства. Настоящий же интерес вызывала некая брюнетка лет двадцати пяти. На пляже она часто натирала свое тело кремами, потом ложилась на живот и расстегивала лифчик. Я тут же захлопывал книгу и мчался в воду. Плыл, проделывая полукруг, чтобы, возвращаясь по берегу, пройти мимо нее. Вечерами старался сесть рядом с нею в беседке, где смотрели телевизор, пытался сыграть с нею партию в настольный теннис, словом, тайно ее преследовал и безнадежно страдал.

И вдруг... Алина. И мы с нею ночью вдвоем...

Я долго ворочаюсь. Почему-то вспоминаю Вадика Гольдштейна, вижу его пухлые губы и очки на кривом носу.

– Вот сволочь! – хлопаю себя по шее и растираю в пальцах что-то липкое.

4

Отец Вадика Гольдштейна занимал должность замдиректора фабрики. Впрочем, это абсолютно не волновало парней из старших классов нашей чудесной школы. На переменах они по двое или по трое ходили по школьным коридорам, отлавливали ребят-евреев и вымогали у них деньги или вполсилы отработывали на них удары. Мои еврейские

сверстники без особой нужды в коридорах не появлялись, а после занятий что было духу мчались из школы вон. Преподаватели знали об этой травле, но почему-то никаких серьезных мер не принимали. Вадик Гольдштейн тоже нередко становился жертвой этих ублюдков из школьного «гитлерюгенда».

Зато летом, на деснянской базе отдыха, Вадик из затравленного утенка превращался в прекрасного лебедя. Здесь вступали в силу иные отношения: отдыхающим не нужно было напоминать, что этот смуглолицый паренек – сын замдиректора фабрики Мирона Наумовича Гольдштейна.

Просторный дом Гольдштейнов был затенен липами, по веранде вилась виноградная лоза. Вадику было позволено многое: в его распоряжении всегда были весла и ключи от замков привязанных лодок, и сети, и старые аккумуляторы. Свинцовые пластинки этих аккумуляторов мы переплавляли на рыбацьи грузила, разжигая костры у домиков. Комендант, завидев такое вопиющее нарушение правил пожарной безопасности – если с нами был Вадик, не орал матом, а вежливо просил переместиться с огнем куда-нибудь за территорию базы.

Вадик приезжал на базу со своей бабушкой. Наверняка в молодости она была эффектной женщиной. Даже сейчас, в свои шестьдесят, обращала на себя внимание статью и явно не фабричными манерами: носила соломенную шляпу и стильные солнцезащитные очки, на пляже полулежала в шезлонге под зонтом, редко купалась, в основном читала журналы и, отрываясь от чтения, рассматривала свои холеные руки, унизанные кольцами на длинных ровных пальцах.

Словом, на этой солнечной базе, под опекой своей аристократичной бабушки, Вадик чувствовал себя помещным дворянчиком. Мое обычное сочувствие к нему, как к еврею, здесь сменялось пролетарской завистью и плебейским заискиванием.

Испортить с Вадиком отношения было проще простого. Унижения и травля в школе развили в нем болезненное самолюбие, а выгодное положение сына замдиректора фабрики разбудило чувство превосходства. Вадик позволял себе легко обижаться, но в пострадавших обычно оказывался сам обидчик, поскольку лишался права кататься на лодках, разводить костры и ловить рыбу сетями.

5

Как-то неожиданно Алина вошла в мой мир и стала в нем божеством. Мы ходили вместе на пляж, я предлагал ей сыграть партию в теннис, вместе смотрели телевизор в беседке. И, разумеется, каждый день я ждал прихода ночи. «Боже, сделай так, чтобы мама и сегодня не приехала! Пусть она остается в городе как можно дольше». Про беду, случившуюся с отцом, я и вовсе забыл.

Ох, как томительно тянулась ночь в наших пустых разговорах о комарах, о школе. Когда же разговор сворачивал на опасную тропинку любви, все птицы за окном умолкали, перепуганные грохотом моего сердца. Но грохот скоро стихал, потому что Алина начинала расспрашивать о Вадике: как он учится и нравится ли мне, как он играет на гитаре.

– Учится он отлично, ведь он еврей. А на гитаре играет неважно,
– обиженно отвечал я.

– Можно подумать! Тоже мне, новый Джон Леннон нашелся.

Глубокой ночью мы, наконец, засыпали. В полусне я еще долго видел сползающие с ее плеч бретельки купальника, ее загорелую спину, маленькую белую грудь. И себя, подкравшегося и подглядывающего в щель неплотно прикрытой двери...

XXX

Нежно плещутся волны. Мы всей компанией расположились на подстилке и режемся в карты. Неподдалеку от нас бабушка Вадика дремлет в шезлонге.

– Сегодня приедет мой старший брат, он обещал привезти мне две бутылки сухого вина, – полусшепотом говорит Толян.

– Где будем пить? – спрашиваю.

– Давай у тебя.

– Нет, мама может нагреть в любую минуту.

– Тогда давайте на лугу, – предлагает Вадик. – Там уже собрали сено в стога. Вы ведь тоже пойдете с нами? – спрашивает он Алину и Светку.

Мы заговорщицки переглядываемся – наклеывается что-то заманчивое: вино, стога сена, девушки...

Оставив карты, идем купаться. Ныряю первым и плыву под водой, сколько хватает сил, в тайной надежде вызвать у Алины восхищение. Вынырнув, оглядываюсь.

Она стоит на берегу, возле нее – Вадик, что-то ей говорит. Сквозь плеск волн до меня доносится ее смех. Они хорошо смотрятся вдвоем: Вадик – высокий, крупный, с шевелюрой черных волос; Алина – тоже

высокая, с выразительно округлившимися бедрами. А я, черт возьми, мелковат.

Вот они входят в воду и плывут.

Когда на ГЭС шлюзы закрыты, течения на речке почти нет. Когда же шлюзы открывают, речка, еще минуту назад спокойная, вдруг взрывается: вода с Киевского моря бурно вливается в устье, купаться в это время опасно.

– Поплыли на косу, – предлагает Вадик.

– Сейчас шлюзы откроют, – возражает Алина.

– Ничего, успеем.

– Поплыли, – поддерживаю я Вадика.

Согласившись, Алина плывет вперед. Ей приятно находиться в сопровождении двух влюбленных кавалеров. Мы одолели уже более полпути, как вдруг вдали раздается раскатистый грохот – открыли шлюзы!

Вода стремительно прибывает. Мы энергичней работаем руками. Может, вернуться назад? Тревожно оглядываемся – пляжники на берегу уменьшились до размеров точек. Уж легче доплыть до косы – песчаной отмели посередине реки.

Дышать все трудней. То один, то другой из нас кашляет, захлебываясь водой.

Вадик – на косе! Победно потрясает поднятыми кулаками. Затем прищуривает близорукие глаза и всматривается – где же мы?

А нас с Алиной сносит течением. До косы – всего лишь метра три, но мы устали, и при таком мощном потоке три метра превращаются в тридцать три. В три тысячи.

Собрав последние силы, бросаю тело вперед. Еще один взмах чугунных рук. Еще... Нога, наконец, нащупывает дно. Ура!

Протягиваю руку Алине. Она барахтается, как жалкая собачонка. Пытается схватить мою руку, но не получается. В ее глазах – ужас, течение начинает ее побеждать.

Делаю опасный шаг вперед. Вдруг вспоминаю маму – что будет с нею, если я утону...

Алина отчаянно цепляется за мои согнутые пальцы. Протягиваю свободную руку Вадику, и он вытаскивает нас обоих на обетованную мель!

6

Ночное небо усыпано звездами. На лугу стрекочут кузнечики. От выпитого вина шумит в голове. Сжав кулаки, я иду к стогу, за которым только что скрылись Вадик с Алиной. «Увел мою девушку! Ну, сейчас я ему задам! А она? Уже забыла, что я спас ее сегодня утром, черт бы ее побрал!»

– Джон! Ты куда? – кричит мне вслед Толян.

– А ну вас всех, – и, махнув рукой, ухожу.

В нашем домике светятся окна. Родители?! Вбегаю, даже не подумав, что от меня наверняка пахнет вином.

Мама, натягивает свежую наволочку на подушку. Лицо ее словно помолодело:

– Саша, сынок, наконец-то! Двенадцатый час, я уже начала волноваться.

– Что с папой? Я знаю, он пытался вынести с фабрики рулон кожи.

Мама смущена:

– Все обошлось. Отец Вадика пообещал, что до суда дело не дойдет. Золотой он человек, Гольдштейн... А где Алина?

Я смотрю на свисающую с потолка блестящую ленточку с прилипшими к ней мухами. Думаю о том, что в субботу приедет отец, и мы обязательно отправимся с ним купаться. Потом он пойдет играть в бильярд, будет загонять шары в самые тугие лузы. И никаких писем из тюрьмы, никаких слез. Все остальное – мелочи. Кровь перестает сочиться из моего сердца. Все-таки жизнь прекрасна!

– Алина? – вместо ответа, улыбнувшись, пою: – Yesterday, all my troubles seemed so far away...